

«Виоленсия» как феномен колумбийской политической культуры: к истории генезиса

О. Н. Сова^{✉1}

¹ Благовещенский государственный педагогический университет,
675000, Россия, г. Благовещенск, ул. Ленина, д. 104

Для цитирования:

Сова, О. Н.
(2020) «Виоленсия» как феномен колумбийской политической культуры: к истории генезиса. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 2, № 2, с. 161–169.
DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-2-161-169

Получена 19 февраля 2020;
прошла рецензирование
29 апреля 2020; принята 29 апреля
2020.

Права: © Автор (2020).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Современная Колумбия отличается от других стран Латинской Америки продолжающимся на протяжении нескольких десятилетий вооруженным конфликтом между правительственными войсками и партизанскими организациями. Зарождение герильи (партизанской войны) было напрямую связано с нерешенным аграрным вопросом и сохранением латифундизма. Это многолетнее противостояние между государством и повстанцами оказывает разрушительное влияние на все сферы жизни колумбийцев и сопровождается ежегодной гибелью тысяч граждан. Насилие в разных формах стало постоянным явлением общественно-политической жизни, оказывая воздействие на мировосприятие колумбийцев и формирование национального самосознания. В статье автор обращает внимание на особенности современной политической культуры Колумбии и пытается разобраться в причинах появления партизанского движения, которое остается актуальным до сегодняшнего дня. Корни этого вооруженного конфликта следует искать в феномене «виоленсии», порожденного борьбой за гегемонию традиционных политических партий (либеральной и консервативной) в XX веке. «Виоленсия» в широком значении включает целую иерархию насилия в разных сферах жизни: насилие над коренными жителями, сегрегация, а также сохранение таких явлений, как мачизм и касикизм. Распространение насилия привело даже к появлению в Колумбии специальной науки — «виоленсиологии», в рамках которой специалисты пытаются разобраться в причинно-следственных связях этого феномена. Исследование истории становления «виоленсии» позволяет ответить на вопрос о том, почему насилие стало неотъемлемым явлением культуры и образа жизни колумбийцев. Для этого внимание было обращено на события 40-х годов XX века, когда в Колумбии в обстановке масштабных репрессий на политической арене появляется харизматический лидер Хорхе Элиесер Гайтан. Его неконформистские идеи и широкое общественное движение, которое он возглавил, вызвало серьезные опасения у сторонников двухпартийной олигархии. Убийство Гайтана 9 апреля 1948 года привело к народному протесту — «Боготасо» и ответному насилию со стороны государства, формируя новый культурогенный фактор воздействия на способы бытия колумбийцев.

Ключевые слова: Колумбия, политическая культура, насилие, партизанская война.

“Violencia” as a phenomenon of Colombian political culture: An overview of genesis

O. N. Sova^{✉1}

¹ Blagoveshchensk State Pedagogical University, 104 Lenin Str., Blagoveshchensk 675000, Russia

For citation:

Sova, O. N.
(2020) “Violencia” as a phenomenon of Colombian political culture: An overview of genesis. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 2, no. 2, pp. 161–169.
DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-2-161-169

Received 19 February 2020;
reviewed 29 April 2020;
accepted 29 April 2020.

Copyright: © The Author (2020).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under CC BY-NC
License 4.0 .

Abstract. Modern Colombia is distinguished from other Latin American countries by the decades-long armed conflict between government forces and guerrilla organizations. The origin of the guerrilla (guerrilla war) was directly related to the unresolved agrarian question and the preservation of latifundism. This long-standing confrontation between the state and the rebels has a devastating impact on all the spheres of life of Colombians and results in thousands of deaths annually. Violence in various forms has become part and parcel of social and political life, affecting the worldview of Colombians and the formation of national identity. The article focuses on the peculiarities of modern political culture in Colombia and attempts to identify the reasons for the emergence of the guerrilla movement, which remains relevant to this day. The armed conflict is rooted in the so-called “violencia”, generated by the struggle for the hegemony of traditional political parties (Liberal and Conservative) in the 20th century. “Violencia” in a broad sense includes a whole hierarchy of violence in different spheres of life: violence against indigenous people, segregation, long-standing machismo and cacicism. The spread of violence has even led to the emergence of a special science in Colombia — “violenciology”. Experts in violenciology are trying to understand the cause and effect of this phenomenon. The study of the history of the formation of “violencia” allows us to answer the question of why violence has become an integral part of Colombian culture and way of life. To meet this end, the author focused on the events of the 1940s, when, amidst the large-scale repression, Colombia witnessed the emergence of the charismatic political leader Jorge Eliecer Gaitan. His nonconformist ideas and the broad social movement he led raised serious concerns among supporters of the two-party oligarchy. The murder of Gaitan 9 April 1948 led to a popular protest — “Bogotazo” and retaliatory violence from the state, forming a new cultural factor affecting the ways of life of Colombians.

Keywords: Colombia, political culture, violence, guerrilla warfare.

Спецификой колумбийской политической культуры является существование неугасающего вооруженного конфликта, принимающего форму гражданской войны партизанских группировок со сторонниками традиционной двухпартийной политической системы. В настоящее время в Колумбии существует несколько партизанских организаций: Армия Национального Освобождения (Ejército de Liberación Nacional, ELN), Народно-Освободительная Армия (EPL) и три группировки, образовавшиеся на развалинах Революционных Вооруженных Сил Колумбии — Армии Народа (Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia — Ejército del Pueblo, FARC-EP), подписавших мирные соглашения с колумбийским правительством 26 сентября 2016 г.

Появлению герильи в Колумбии в XX в. предшествовал период «виоленсии» (насилия), реакцией на который и стала эта форма борьбы масс (Ильина 1968, 106). Сначала появились

«маршевые колонны», партизанские отряды из крестьян, насильственно согнанных со своих земель. В их рядах оказались до 200 тыс. человек. По свидетельству повстанца Х. Гуараки, они не имели политической программы из-за отсутствия соответствующего образования, их идеи касались преобразований на местном уровне, а главной целью была самозащита (Aldana 1999, 38–41). Наряду с существованием партизанских отрядов, базировавшихся в льяносах, крестьяне прибегали к такой форме защиты от террора, как самооборона. В Колумбии самооборона способствовала появлению еще одной формы крестьянского сопротивления, т. н. «независимых республик» — Виоты в 1920–30-е гг., Маркеталии в 1950–60-е гг. и др. (Хейфец 2019, 280).

Чтобы понять сложную природу колумбийского внутреннего конфликта и цели участвующих в нем сторон, нужно обратиться к такому феномену, как «виоленсия». Как пишет колумбийский историк Артуро Алапе в одном из

своих наиболее важных исследований «La paz, la violencia: Testigos de exserción»: «С самого начала было ясно, что это государство будет не для всех и что контроль над ним со стороны немногих лиц необходимо поддерживать любой ценой, а значит, используя тот метод, который был известен правящему классу ранее, еще со времен Войны за независимость: война» (Alarcón 1997, 20).

В широком смысле слова «виоленсия», как отмечает Ю. Н. Гирин, является порождением истории и действительности Латинской Америки, когда в неустойчивых латиноамериканских социумах она возникает как производное от режима диктатуры, местного произвола и гражданских войн. «По сути это целая иерархия насилия, проявляющаяся на различных уровнях: это и касикизм, и мачизм, и насилие над индейцем, и социальное бесправие, и, в некоторых странах, всевластие США» (Гирин 2013, 98). Достаточно ярко этот феномен проявился и продолжает существовать в Колумбии, что даже привело в этой стране к возникновению отдельной науки — виоленсиологии. Но главное заключается в том, что «виоленсия» стала неотъемлемой частью политической культуры этой страны и привычным способом разрешения социальных и политических конфликтов. «Структурные элементы насилия, ненависть, передающаяся по наследству, партийный фанатизм, насильственный сгон с земли, религиозные гонения, разделение страны по политическому признаку и физическое уничтожение политических противников» (Alarcón 1997, 23) формировали колумбийскую историю на протяжении всего XIX века. Это же в неизменном виде продолжилось и в XX веке, и даже с еще большей силой с 1940-х гг. Именно этот последний период времени может послужить в качестве отправной точки, чтобы понять сегодняшний внутренний кризис в Колумбии.

Появление FARC-EP и ELN в начале 1960-х гг. и рост их рядов и влияния в 1980–90-е гг. напрямую связаны с нехваткой политического пространства для оппозиции. Это характеризует колумбийскую политическую историю, особенно со времен создания Национального Фронта в 1958 г., соглашения о разделе власти, заключенного между либералами и консерваторами после недолгого периода заигрывания с военной диктатурой.

Истоки современного партизанского движения связаны с крестьянской борьбой 1920-х и 1930-х гг., но в большей степени нужно уделить внимание одному из самых кровавых периодов истории Колумбии XX века, известному как

«виоленсия» (насилие). «Виоленсия» распространилась в послевоенный период в Колумбии, когда три четверти населения составляли крестьяне, более половины населения было неграмотным и более 50 % земли было сосредоточено в руках менее 3 % земельных собственников (Sánchez 1992, 77). В то время была принята целая серия законов и ряд мер безопасности, которые были предназначены для защиты земельной аристократии от потенциальных вторжений и захватов со стороны всё более нуждающегося крестьянства, поскольку у него годами не было реального доступа к плодородной земле. Таким образом, конфликт в Колумбии вырос из борьбы за землю. Однако «виоленсия» была более чем обычной битвой между двумя крупными партиями и их разными точками зрения относительно решения аграрного вопроса.

Хотя «виоленсия» натравливала друг на друга вооруженные отряды сторонников реформы из Либеральной партии и сторонников олигархии из Консервативной партии, сопротивлявшейся земельной реформе, которая должна была покончить с родовой привилегией на землю, неправильно было бы называть ее просто «межпартийной усобицей». Это понятие злонамеренно использует колумбийская элита. Вне всякого сомнения, «виоленсия» была развязана правительством консерваторов во главе с Мариано Ospino Пересом, который победил на президентских выборах 1946 г. Раскол в рядах Либеральной партии воспрепятствовал ее победе, несмотря на то, что в тот момент времени это была партия большинства населения Колумбии. Ospino Перес и руководство консерваторов, при поддержке высшей иерархии католической церкви и военных, развернул кампанию жестких репрессий против рядовых либералов, особенно в сельской местности. В контролируемых государством СМИ, с церковных кафедр и в стенах Конгресса — в итоге распущенного президентом — была развязана кампания по демонизации Либеральной партии. Были убиты десятки тысяч крестьян, связанных с Либеральной партией. И потому вооруженные отряды, которые тогда появились, были ответом на преднамеренное, поддержанное государством насилие.

В этой обстановке масштабных репрессий и конфликта появился харизматический народный лидер Хорхе Элиесер Гайтан. На основе реформистских идей перераспределения национальных богатств, политического участия широких масс и отказа от монополии на власть он создал широкое общественное движение. Его

идеи встретили активную поддержку в середине 1940-х гг., особенно среди рабочего класса наиболее крупных городских центров Колумбии. В стране, исторически разделенной борьбой сторонников либералов и консерваторов, Гайтану удалось добиться действительно чего-то совершенно нового и необычного. Колумбийский историк Гонсало Санчес пишет о том, что к середине 1940-х гг. Гайтан «преуспел в создании новой исторической силы, которая состояла из народных масс, объединившихся вопреки традиционным партийным барьерам» (Sánchez 1992, 78). И хотя Гайтан был членом Либеральной партии и в итоге возглавил ее, его лозунги и речи против двухпартийной олигархии ставили его вне традиционных структур власти Колумбии. Его фигура представляла собой во многих отношениях подлинно революционный разрыв с недавним колумбийским политическим прошлым и рассматривалась как прямая угроза многими наиболее могущественными лидерами страны, причем как консерваторами, так и либералами.

Убийство Гайтана 9 апреля 1948 г. — в тот момент Колумбия готовилась к проведению IX Панамериканского Конгресса — спровоцировало спонтанный народный протест, грабежи и беспорядки на улицах Боготы. Убийство Гайтана полностью не раскрыто вплоть до настоящего времени, идейные вдохновители и организаторы этого убийства так и не предстали перед судом, и этот случай остается примером вопиющей безнаказанности, которая всегда существовала в Колумбии. Многие исследования указывают именно на консерваторов как на главных виновников, учитывая тот уровень насилия, который сторонники этой партии развернули по всей стране. Некоторые аналитики утверждают, что за этим убийством стояли недовольные Гайтаном либералы, но это маловероятно. Другие обращают внимание на всё возрастающую озабоченность Вашингтона относительно быстрого выдвижения Гайтана на политическую авансцену страны как на возможную причину его безвременной смерти. Подтверждения можно найти в частых депешах в Вашингтон американского посла в Колумбии в 1946–1947 гг. Джона К. Уайли, который описывал этого харизматического лидера как демагога, безрассудно продвигающего идею государственного социализма, который однажды станет для США большой политической проблемой.

Но даже независимо от того, кто именно стоял за этим убийством, результатом его был массовый спонтанный ответ со стороны части

сторонников Гайтана, которые в ярости вышли на улицы. В современной колумбийской исторической литературе это явление именуется «Боготасо» (El Bogotazo). Но восстание не смогло создать механизм, который упорядочил бы и сделал эффективным (посредством организации) этот, безусловно, революционный процесс, направленный против олигархической системы правления, который вывел бы гайтанизм на ведущие позиции в политике. Сразу после убийства Гайтана были предприняты действия, чтобы не допустить превращения рабочего движения в выразителя общественного протеста и политической оппозиции, в том числе расстрелы рабочих, «вычищение» наиболее активных профсоюзных лидеров, криминализация забастовки как средства законного общественного протеста и подрыв профсоюзного движения. То демократическое пространство, которое попытался создать Гайтан, было немедленно ликвидировано сразу после его смерти. Для многих смерть Гайтана стала символом насильственно прерванного демократического процесса, ситуация, которая позже повторялась снова и снова и сопровождалась убийством сотен харизматических лидеров на местном, региональном и национальном уровнях по всей стране.

Либеральная партия, стремясь сыграть свою роль в восстановлении порядка и желая не потерять имеющиеся позиции в элите двухпартийной структуры власти, дистанцировалась от протестующих масс. Практически всё руководство Либеральной партии приняло участие в подавлении народного протеста. Но консерваторам роль либералов в подавлении народного протеста казалась недостаточной. Либералы всех мастей снова стали жертвами массивной кампании политических убийств и прямых физических угроз, которая была развязана еще при правительстве Оспины Переса. Вооруженное сопротивление отрядов крестьян, сторонников Либеральной партии, продолжилось, как и поляризация колумбийского общества.

За этим последовали годы неослабевающего насилия по всей стране, характеризующиеся общим состоянием террора и глубоким партийным сектантством. Насилие сталкивало деревню с деревней, соседа с соседом и привело к некоторым совершенно диким эпизодам в кровавой истории Колумбии. Как пишет Гонсало Санчес: «Выросло целое поколение, чье отношение к условиям собственного существования колебалось между фатализмом, жадной мести и подавленным возмущением» (Sánchez 1992, 90).

Насилие и репрессии стали явлениями политической жизни не только при Осине Пересе, но и при ультраконсервативном, неофашистском политике Лауреано Гомесе, который занял президентское кресло в 1950 г. Это были выборы, в которых Либеральная партия участия не принимала. Гомес старался поддерживать раскол колумбийского общества и перешел в решительное наступление на либералов, считая, что после смерти Гайтана Либеральная партия должна была стать в глазах колумбийцев незаконной.

Необходимо отметить, что правительство Гомеса извлекло значительные выгоды из той антикоммунистической атмосферы, которая возникла в Вашингтоне после Второй мировой войны. Безжалостное отношение правительства к крестьянам-партизанам должно было продемонстрировать США, что, как и в случае с Батистой на Кубе, Сомосой — в Никарагуа и Трухильо — в Доминиканской Республике, Вашингтон имеет надежного друга в президентском дворце в Боготе. И хотя вышеописанные страны могут быть охарактеризованы на тот момент времени как продолжительные гегемонистские диктатуры, сильно отличавшиеся от той политической эволюции, которая привела к власти в Колумбии Гомеса, все они использовали самые безжалостные репрессии по отношению к внутренней оппозиции при проведении политики, благоприятствовавшей интересам США.

Следует напомнить, что Гомес был единственным латиноамериканским президентом, который реально поддержал военные действия США в Корее, послав туда вооруженный колумбийский контингент. Стабильность его правительства выглядела как соответствующая долговременным интересам Вашингтона. И, несмотря на иную историческую ситуацию в начале XXI века, позиция США в то время была во многом схожа с той, которую мы видим сегодня. С точки зрения Вашингтона, колумбийское правительство борется за свое выживание против вооруженных бандитов-партизан, и неважно, что они бросили вызов предшествующему недемократическому общественному порядку, неважно, являются ли они прокоммунистическими или нет. В современной Колумбии ситуация иная, но есть и определенное сходство: теперь «бандиты» именуется «террористами».

Насилие продолжилось, как продолжилось и сопротивление Гомесу. Это привело к массовому изгнанию людей и «очищению» колонизованных земель в районах южной Талимы, средней Магдалены, на части территории Кауки

и Валье дель Кауки и на восточных равнинах, или «льяносах». Появилось крайне фрагментированное партизанское движение с комплексом разных политических и социальных корней, в зависимости от того района, где они действовали. Партизанские анклавов постепенно эволюционировали в зоны — убежища для крестьян, бежавших от насилия, и центры сопротивления правительству.

Первоначально эти вооруженные отряды поддерживали связи с руководством Либеральной партии, полагая, что находящееся в городе главное руководство партии готовит восстание против консерваторов Гомеса. Но поскольку ставки повысились и сопротивление правительственному насилию возрастало, руководство либералов снова прервало свои связи с народным сопротивлением, в данном случае — с партизанами. Кто устанавливал связи с этими отрядами, так это вооруженные группы, связанные с Коммунистической партией, которая в некоторых регионах заключила союз с либералами в их борьбе против консерваторов. Эти вооруженные отряды развили стратегию сопротивления, которая во многих отношениях была революционной, сочетающей военный компонент с интенсивной мобилизацией гражданского населения (Sánchez 1992, 103–104).

Этот процесс крайне жестокого насилия и организованного сопротивления на протяжении нескольких лет затронул каждый аспект развития страны. Его кульминацией стал военный переворот, который привел к отстранению от власти консерватора Гомеса и установлению военной диктатуры генерала Густаво Рохаса Пинилья в июне 1953 г.

Генерал Рохас Пинилья был сильной личностью, антикоммунистом, который, подобно Гомесу, имел связи с Вашингтоном, но, в отличие от Гомеса, выглядел более привлекательной фигурой в глазах руководства обеих партий, видевших в установлении его власти выход из ситуации возрастающего в стране насилия. Его с энтузиазмом приветствовали все стороны конфликта, особенно либералы. Генерал Рохас Пинилья провел серию амнистий для партизан, выдвигая идею национального единства в противовес партийному сектантству, которое разрушало Колумбию.

Большая часть партизан согласилась на амнистию, так как военное правительство заявило о подготовке программы демократических реформ и экономического развития, необходимых для восстановления разоренной деревни и помощи согнанному со своих земель крестьянству. Обширные слаборазвитые регионы на юге

были предложены в качестве решения земельной проблемы, что вело к их интенсивной колонизации крестьянами, согнанными со своих бывших земель насилием. Однако некоторые партизанские отряды, особенно те, которые базировались в зоне влияния коммунистов в Сумапасе и южной Толиме, были не готовы принять амнистию и предпочли более «самооборонческий» подход к новому военному правительству. Их так и не смогли убедить в том, что правительство сможет обеспечить достаточную защиту им и их семьям. Хотя они были малочисленными, они, как и современные крупные партизанские организации Колумбии, настаивали на всеобъемлющем мирном плане, который выходил за рамки простого разоружения и реинтеграции в прежнюю мирную гражданскую жизнь.

Партизанские организации этого региона поднимали вопрос о земельной и политической реформах в качестве главного условия любого соглашения с правительством. Любое другое решение рассматривалось ими как безоговорочная капитуляция. Эти партизаны составили основу т. н. «независимых республик», разбросанных по джунглям в предгорьях Анд и организованных как общины самообороны и экономически самодостаточные хозяйства. Естественно, их позиция не встретила одобрения правительства.

Испытывая давление со стороны богатых земельных собственников, которые во время первой фазы «виоленсии» были вынуждены покинуть свои поместья, а затем стали требовать вернуть себе обратно свои обширные земли, Рохас Пинилья развернул военные операции против этих партизан. Контрпартизанское наступление против этих вооруженных анклавов было проведено при поддержке США. Сотни крестьян были убиты армией в т. н. «зоне военных действий» в Сумапасе, приведя к еще более массовому исходу людей. Гонсало Санчес прекрасно характеризует эту ситуацию, когда пишет: «Умиротворение снова стало синонимом опустошения, пулеметных обстрелов и бомбардировок. По меньшей мере шесть батальонов, т. е. примерно треть всей колумбийской армии того времени, были брошены в бой, имея за спиной центр пыток, известный в то время под названием “концентрационный лагерь Кундай”» (Sánchez 1992, 112).

Как это постоянно происходит в истории внутриколумбийского конфликта, именно гражданские лица несли на себе основную тяжесть последствий наступления правительственных войск. Однако неожиданное сопротивление

поддерживаемому государством насилию продолжалось и предопределило появление современного партизанского движения. Хорошо видны исторические параллели между тем временем и современностью. Правозащитники сильно обеспокоились, когда не так давно президент Альваре Урибе стал оправдывать создание т. н. «зон реабилитации», находящихся под контролем вооруженных сил Колумбии в конфликтных регионах страны с тотальным военным, судебным и политическим контролем и с одновременным ограниченным доступом в эти зоны журналистов и других посторонних лиц. Такой подход использовался многими президентами страны за последние сорок лет, поскольку они пытались противостоять партизанской угрозе только военной силой, и всегда с весьма незначительным успехом.

Генерал Рохас Пинилья действительно провел «реабилитацию» в некоторых районах страны, пострадавших от «виоленсии», особенно в недавно колонизированных районах восточных равнин, куда были направлены некоторые правительственные средства. Тем не менее эта программа имела противоречивые результаты, не последним из которых было открытое и жестокое насилие в Сумапасе. Были еще и противоречивые политические шаги, предпринятые генералом Рохасом Пинильей с целью умиротворения и либералов, и консерваторов, в ущерб подлинно демократической реформе и справедливости по отношению к жертвам первых годов «виоленсии». Хотя партизаны-либералы были амнистированы, консерваторы, сторонники удалившегося в изгнание Гомеса, были выпущены из тюрем и развязали широкую кампанию репрессий против бывших бойцов партизанских отрядов, местных руководителей либералов и их сторонников из числа крестьян. Насилие стало нарастать вновь, и две партии стали упрекать Рохаса Пинилью в неэффективной деятельности, умалчивая тот факт, что именно они и были вдохновителями насилия, защищая свои собственные экономические и политические интересы.

В течение двух лет военной диктатуры, которые ознаменовались установлением относительного мира в стране, либералы и консерваторы стали осознавать, что правительственная амнистия была в лучшем случае политическим маневром, направленным на укрепление власти генерала. В то же время начинает появляться третья сила, которая может бросить вызов традиционной правящей элите. Другими словами, их политическая монополия на власть оказалась под угрозой со стороны военного деятеля, ко-

того они же сами в свое время и призвали. И вскоре стало ясно, что этот военный больше не нужен. В 1957 г. генерал Рохас Пинилья был вынужден уйти в отставку под давлением могущественного альянса консерваторов — сторонников бывшего президента Гомеса, верхушки Либеральной партии и вооруженных сил. Результатом стало то, что чуть позже получило название Национального Фронта.

Национальный Фронт дал возможность господствующим политическим партиям консолидировать политическую власть в руках элиты (Донченко 2015, 65). Это было взаимное соглашение традиционных партий относительно политического устройства страны, которое гарантировало, что политический контроль будет оставаться в руках двух партий на ближайшее обозримое будущее. От двух партий каждые четыре года по очереди избирался президент. Эта ситуация продолжалась в последующие два десятилетия. Они также поделили между собой власть на местном и департаментском уровнях.

Колумбийская олигархия, которая на словах поддерживала демократические реформы, отныне могла чувствовать себя спокойно, зная, что ее интересы в равной степени будут защищать обе партии. Гомес, вынужденный бесславно бежать несколькими годами ранее, вернулся в Колумбию полностью оправданным. Национальный Фронт родился при весьма скромной надежде на открытие путей для настоящей демократии и с сохраняющимся крестьянским повстанческим движением, которое обнаруживало себя всё более изолированным от этой конституционной сделки между олигархами.

Глубоко укоренившиеся социальные проблемы, которые проистекали из вопроса неравного распределения земли, так и не были разрешены. Были развязаны поддерживаемые государством репрессии, встречавшие полную поддержку со стороны США. Во время репрессий крестьяне насильственно изгонялись из зон «самообороны», что провоцировало новые массовые исходы, колонизацию и такие изменения в практике аренды земли, которые были выгодны только крупным землевладельцам. Хотя истеблишмент Национального Фронта представлял его как официальное окончание эпохи «виоленсии», началась новая, еще более масштабная фаза насилия, которая формировала колумбийскую реальность на последующие несколько десятков лет.

Почему убийство Гайтана 9 апреля 1948 года, последующий после этого народный протест («Боготасо») и ответное насилие со стороны

государства стали условиями формирования культурогенного фактора воздействия на способности мышления и бытия колумбийцев? Ответ нужно искать в самом феномене политической культуры Колумбии.

Колумбийская политическая культура, как и культура многих других стран Латинской Америки, характеризуется высоким уровнем дискриминации по этническому признаку, появившейся вследствие нерешенного национального вопроса. Это явление, корни которого уходят в XIX век, препятствует реализации на практике идеи равных возможностей для всех колумбийцев.

Воздействие на политическую культуру Колумбии оказывает приверженность традициям и консервативность. На сегодняшний день остаются актуальными такие явления, как макизм, касикизм, каудильизм, клиентелизм, непотизм и абсентеизм. Особенно следует уделить внимание абсентеизму, который в условиях масштабного политического насилия стал одной из самых распространенных мирных форм пассивного протеста, характерным для Колумбии. Если же речь идет о голосовании, то влияние на явку избирателей на участки оказывает гендер и социальный статус избирателя. Положение в обществе, уровень доходов и занимаемая должность являются факторами лояльности к сложившимся политическим реалиям.

При этом подчеркнем, что голосование не является единственным методом политического участия колумбийцев. Часть из них принимает участие в работе органов местного самоуправления и в деятельности неправительственных организаций, носящих религиозный, коммунальный, гуманитарный и правозащитный характер. Если говорить о церкви и религиозных организациях в Колумбии, то нужно отметить, что католическая церковь всегда в той или иной степени являлась участницей политического процесса и чаще всего была сторонницей наиболее консервативной части местной олигархии. Это обусловило ее воздействие на формирование политических ценностей и взглядов многих колумбийцев, в т. ч. на их приверженность консервативной партии. В условиях традиционно сильного влияния католической церкви в Колумбии, всегда находившей поддержку у государственной власти, в стране не получил развития религиозный плюрализм и толерантность. Отражение этих явлений можно проследить и в политической сфере: колумбийская демократия оказалась менее прогрессивной, чем, например, демократия в Бразилии, где

католическая церковь не была связана с государством и имела место религиозная терпимость.

Еще одним компонентом политической культуры является политическая толерантность, влияющая на прочность демократических ценностей. Для Колумбии она традиционно невысока, поэтому возможности для открытой политической борьбы и полноценной реализации политических свобод затруднены. Эта тенденция была характерна и до событий «Боготасо», но наибольшую прочность она приобрела во второй половине XX — начале XXI вв. в условиях противостояния леворадикальных партизан, ультраправых вооруженных формирований, т. н. «парамилитарес», и подразделений правительственной армии.

Не стоит забывать, что дополнительным источником насилия остается организованная преступность, тесно связанная с наркобизнесом, распространенным в Колумбии.

Причинами сохранения насилия в Колумбии являются нерешенные вопросы — аграрный (проблема латифундизма), национальный (ущемление прав по этническому признаку), сохранение высокого уровня бедности и поляризация общества. Всё это требует проведения структурного и последовательного реформирования, чтобы насилие перестало восприниматься ко-

лумбийцами как часть повседневной жизни. К тому же существенные осложнения связаны с включением в мирную гражданскую жизнь тысяч колумбийских партизан, которые годами скрываются в удаленных от общества районах, теряя навыки мирных способов сосуществования и не имея возможностей для этого (отсутствие образования, профессии, определенных материальных благ и перспектив).

Подводя итоги, следует отметить, что, с одной стороны, убийство Гайтана и последующие события — «Боготасо», начало партизанского движения — ясно продемонстрировали, что возможность мирного участия в политической жизни, решение социально-экономических проблем мирным путем всё более затрудняется. С другой стороны, эти события показали, что двухпартийная олигархическая власть исчерпала свои возможности эффективного управления страной, что впоследствии привело к военному перевороту Рохаса Пинильи. И после этих событий колумбийская олигархия начинает систематически использовать насилие для решения не только политических, но и экономических вопросов. Более того, чем дальше, тем больше этот метод становится основным, а политика превентивной контрреволюции — одним из основных методов.

Литература

- Гирин, Ю. Н. (2013) Виоленсия как тип культуры. Колумбийский вариант. *Латинская Америка*, № 11, с. 97–107.
- Донченко, А. И. (2015) Стратегия сельской обороны КПП и FARC-EP: истоки. В кн.: А. И. Донченко (ред.). *Чтения памяти профессора Е. П. Сычевского: Сборник докладов. Вып. 15*. Благовещенск: Изд-во БГПУ, с. 62–72.
- Ильина, Н. Г. (1968) *Политическая борьба в Колумбии (1946–1957)*. М.: Наука, 246 с.
- Хейфец, В. Л. (2019) Наследники «виоленсии»: эволюция FARC в 1990-е гг. *Латиноамериканский исторический альманах*, № 21, с. 274–287.
- Alape, A. (1997) *La paz, la violencia: Testigos de excepción*. 6th ed. Bogotá: Planeta Publ., 238 p.
- Aldana, L. A. M. (1999) *Colombia y las FARC-EP: origen de la lucha guerrillera: testimonio del comandante Jaime Guaraca*. Tafalla: Txalaparta, 219 p.
- Sánchez, G. (1992) “The Violence”: An interpretive synthesis. In: C. W. Bergquist, R. Peñaranda, G. G. Sánchez (eds.). *Violence in Colombia: The contemporary crisis in historical perspective*. Wilmington, DE: Scholarly Resources Books, 186 p.

References

- Alape, A. (1997) *La paz, la violencia: Testigos de excepción [Peace, violence: Witnesses of exception]*. 6th ed. Bogotá: Planeta Publ., 238 p. (In Spanish)
- Aldana, L. A. M. (1999) *Colombia y las FARC-EP: origen de la lucha guerrillera: testimonio del comandante Jaime Guaraca [Colombia and FARC-EP: Origin of the guerrilla struggle: Testimony of commander Jaime Guaraca]*. Tafalla: Txalaparta, 219 p. (In Spanish)
- Donchenko, A. I. (2015) Strategiya sel'skoj oborony KPP i FARC-EP: istoki [Rural defense strategy of the checkpoint and FARC-EP: Origins]. In: A. I. Donchenko (ed.). *Чтения памяти профессора Е. П. Сычевского: Сборник докладов [Readings in memory of Professor E. P. Sychevsky: Collection of reports]*. Vol. 15. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University Publ., pp. 62–72. (In Russian)

- Girin, Yu. N. (2013) *Violensiya kak tip kul'tury. Kolumbijskij variant* [Violencia as a type of culture. The Colombian version]. *Latinskaya Amerika*, no. 11, pp. 97–107. (In Russian)
- Jeifets, V. L. (2019) *Nasledniki "violensii": evolyutsiya FARC v 1990-e gg.* [The heirs of Violencia: The evolution of the FARC in the 1990s]. *Latinoamerikanskij istoricheskij al'manakh — Latin-American Historical Almanac*, no. 21, pp. 274–287. (In Russian)
- П'ина, Н. Г. (1968) *Politicheskaya bor'ba v Kolumbii (1946–1957)* [Political struggle in Colombia (1946–1957)]. Moscow: Nauka Publ., 246 p. (In Russian)
- Sánchez, G. (1992) "The Violence": An interpretive synthesis. In: C. W. Bergquist, R. Peñaranda, G. G. Sánchez (eds.). *Violence in Colombia: The contemporary crisis in historical perspective*. Wilmington, DE: Scholarly Resources Books, 186 p. (In English)

Сведения об авторе

Оксана Николаевна Сова, e-mail: alexdon@mail.ru

Кандидат культурологии, доцент кафедры всеобщей истории, философии и культурологии Благовещенского государственного педагогического университета

Author

Oksana N. Sova, e-mail: alexdon@mail.ru

Candidate of Sciences (Cultural Studies), Associate Professor, Department of General History, Philosophy and Cultural Studies, Blagoveshchensk State Pedagogical University